

площади города, а потом уже – и Подгорье, вниз по длинной деревянной лестнице от красивого музея. Но переулочек! Впрочем, об этом позже. У входа в переулочек стояла толстая смешная тумба с наклеенными афишами. Женя с Шуриком всегда останавливались и обходили кругом тумбу, читая, что и где будет происходить. В этот раз их догнал одноклассник, который тоже часто шел из школы неподалёку от них, – Ваня Дитрих.

– Вы домой? А пойдёте в парк кленовые листья собирать?

Это было заманчиво. Зайти в городской парк, куда ходили только взрослые и куда по вечерам продавали билеты, откуда совсем недавно в тёплые ещё вечера доносилась музыка, а на танцплощадке кружились пары! Но сейчас там стояла торжественная осенняя тишина. И там росли деревья с необыкновенными фигурными листьями – клёны!

– Давай зонтик, – сказал Ваня Жене. – А портфель пусть Шурка несёт.

Так втроем и стали они ходить домой. Дорога из школы – совсем другое дело, чем в школу. Утром надо быстро, боясь опоздать, рано бежать, умудряясь досыпать на ходу. А вот после уроков! Впереди много времени – ещё полдня, целый вечер, разные события дома – короче, большая жизнь! Поэтому шли не торопясь. Можно было возвращаться тремя путями. И как-то само по себе – один получился осенним, другой – зимним, а третий – почти летним. Краснознаменный переулочек был любимой дорогой. Величественное старинное здание из красного кирпича придавало переулочку суровую торжественность. И другие сооружения здесь были в едином ансамбле. Навстречу часто попадались строгие люди в военной форме. Неудивительно, здесь же было знаменитое военное училище! Поэтому уже на выходе из переулочка, на углу важного здания, очень неожиданно останавливал ароматный запах варившегося к обеду настоящего домашнего борща. За большими окнами первого этажа был слышен металлический перестук раскладываемых ложек и вилок, глуховатый звон кастрюль, виднелись обеденные столы. Столовая военного училища. Трудно было пройти равнодушно мимо аппетитных запахов после четырёх уроков в школе. Но впереди была красота и тишина осеннего парка, где пахло совсем по-другому – влажными после дождя землёй, травой и листьями, солнце пыталось пригреть в полдень, деревья беззвучно осыпались разноцветной мозаикой, река вдалеке светилась холодной синевой. И кленовый лист – золотисто-жёлтый, ярко-красный, бордово-коричневый – уносился в портфелях как маленькое чудо таинственной природы.

Зимняя дорога по улице Ленина была задорной. Если шел снег, можно было на ходу поиграть в снежки, правда, этого не любил рачительный дворник, постоянно в это время чистивший огромной лопатой тротуар возле большого дома рядом с типографией. В широкие, всегда освещённые окна типографии тоже было интересно заглянуть: там равномерно работали машины, выдавая плавно скользкие отпечатанные листы будущих газет. Зимняя дорога приводила в сквер с красивым памятником. И можно было не один раз обойти вокруг него, разглядывая изображения на постаменте, немного

робея перед высокой величественной загадочной фигурой женщины на нём.

Почти летняя дорога решительно проходила по главной улице города. Уже был май, он празднично сиял горячим солнцем, нескончаемыми светлыми днями, обещанием летних каникул, детской свободы, от которой уже немного отвыкли за длинный-предлинный первый учебный год. Всё труднее было заставить себя разойтись по домам – столько вокруг было интересного. Главная улица, как и полагается, была многолюдной, по ней ездило довольно много машин, но и повозок с лошадьми тоже хватало. И хотелось быть внутри этой шумной городской жизни. А пока можно было только оглядываться вокруг, стараясь не пропустить интересное...

УЧИТЕЛЬНИЦА

Она была строгой. Да и попробуй справишься с более чем сорока мальчиками и девочками, которых надо приучить к усидчивости, чтобы научить главному – читать, писать, считать.

Строгость была в её прямой осанке, внимательном взгляде, гладкой причёске, темно-синем тяжёлого шёлка платье, которое она носила каждый день. Только перед осенними каникулами, перед Октябрьскими праздниками было надето (однажды) точно такое же платье, но тёмно-бордового цвета.

Даже имя её казалось строгим – Клавдия Васильевна!

Вышел в то время на экраны советский замечательный фильм «Первоклассница». В роли учительницы – статная Тамара Макарова. Чем-то и Клавдия Васильевна напоминала её. И потом, спустя много лет, когда Женя читала пушкинские строки «Меня смущала строгая краса / Её чела, спокойных уст и взоров...», то сразу всплывал образ первой учительницы. Но, к сожалению, было и так, как дальше в стихах: «Дичась её советов и укоров, / я про себя превратно толковал понятный смысл правдивых разговоров». А если бы нет?

С чем она беспощадно боролась – так это с разболтанностью и вседозволенностью. Всё было подчинено дисциплине и порядку. Поведение на уроке и перемене было под бдительным присмотром.

Проведя свой первый класс по всей школе, по всем этажам, показав, где большой зал, кабинет директора, библиотека, чётко определила, где можно её ученикам находиться на переменах. Это был небольшой коридор возле классной комнаты на первом этаже. А рядом, в вестибюле, стояло во весь рост чучело медведя, куда тоже иногда выбегали погладить его по вытершейся порыжевшей шерсти. Но это не поощрялось.

Ко всем Клавдия Васильевна относилась одинаково строго. И Женя не раз испытывала это на себе. Ну и что, что ты уже умеешь читать и писать, прочитала много хороших книжек, знаешь, как пишутся трудные слова... А зачем же ты решила заглянуть в словарь во время словарного маленького диктанта, да ещё когда это было запрещено? Словарик был безжалостно отобран, единица поставлена в журнал, и класс снова сурово посмотрел на Женю, которая всё ещё вплетала в косы не те ленты.